26.3.95.

169

Моск. новости. – 1995. – 26 марта – 2 апр. – с. 19.

ЮБИЛЕЙ

«Совесть — главная тема века»

Заметки ученика к 90-летию учителя.

На первой же лекции он предупредил нас: «Эта профессия про́клятая еще и потому, что приходится отдавать ей все свое духовное существо». Сказав это, мастер мог бы сделать паузу и проводить взглядом того, кто в ответ направился бы к двери, честно признавая, что отдавать нечего. Однако никто не встал и не ушел.

Сознаюсь, я был не самым прилежным и удачливым его учеником. Тем не менее два года, проведенные в режиссерской мастерской Козинцева в далекие шестидесятые, оставили в памяти глубокий след.

Козинцев не тратил времени на преподавание ремесла, всех этих профессиональных ухваток, легко добываемых на съемочной площадке при наличии энергии и настойчивости. Конечно, важно научить будущего режиссера склеить два кадра так, чтобы получилась осмысленная фраза. И все-таки главную педагогическую задачу Козинцев видел в ином: научить нас сомневаться, стыдиться, краснеть.

Сегодня, спустя десятилетия, лекции Григория Михайловича вспоминаются как череда настойчивых проповедей.

«Отвыкайте подходить к работе с грязными руками».

«Ваша тема требует суровой диеты чтения».

«Не берите эту тему. Она с приданым (конъюнктура)».

«Послушайте, а не закрыться ли вам на переучет?»

«Если не документ, то Шекспир».

«Совесть — главная тема века».

Казалось, вне всякой системы мы смотрели фильмы, слушали лекции, спешили в Эрмитаж, обсуждали увиденное, прочитанное, общались со старыми мастерами «Ленфильма». Это был незнакомый нам студийный метод, чуждый казенщины, зубрежки и натаскивания.

Ошибки прощались. Чего совершенно не выносил наш учитель, так это бессодержательности. Терпеливый и великодушный, он внутренне сатанел, натыкаясь на безразличный, сонный взгляд. Бывали минуты, когда, уличенный, ты видел скуку мастера, огорченного твоим банкротством. Восстановить отношения можно было только ценой крайнего духовного напряжения, очевидным доказательством. Еще не овладев профессией, можно было почувствовать, какая она про́клятая.

Козинцев и сам по себе был уроком. Его интеллигентность и одухотворенность, элегантность и остроумие были неподражаемы. В атмосфере такого превосходства и проходили наши занятия. Учитель делал свое дело. Если его усилия заслуживали лучших результатов с нашей стороны — а это несомненно так, — тут уж наша вина.

Мы были седьмым поколением его учеников. Как выяснилось позже, последним. Я намеренно не называю имен. Одни стали известными кинорежиссерами. Имена других — в тени. Не хотелось бы, чтобы эти другие рассматривались как брак в педагогической деятельности мастера. Не забудем, что по нравственному закону именно ученик называет имя учителя, а не наоборот.

Мне известны примеры дружеской и профессиональной отзывчивости Козинцева. Один из них представляется особенно мужественным и значительным: упорная борьба Григория Михайловича за выход на экран из многолетнего заточения на полке фильма Тарковского «Андрей Рублев». Авторитет и аргументы мастера сломили наконец все преграды. «Я никогда не забуду всего того, что вы сделали для меня и моей картины», — писал ему Тарковский.

Козинцев ушел из жизни, не дожив до семидесяти. Хотелось сказать иначе — молодым. И это не было бы натяжкой. Еще вчера можно было увидеть его — стройного, красивого, с живым блеском в глазах. Так выглядит человек, хорошо потрудившийся с утра, знающий, зачем он проснется завтра. Однажды завтра не случилось. У Козинцева разорвалось сердце. Как у Эйзенштейна, Довженко — его друзей.

Фильмография Козинцева завершается «Королем Лиром». Конец творческого пути. Однако вскоре неутомимыми усилиями Валентины Георгиевны Козинцевой один за другим выходят в свет пять томов собрания сочинений режиссера. А совсем недавно — в прошлом году, одна из самых горьких книг о жизни художника в советскую эпоху «Черное, лихое время», составленная из рабочих тетрадей Григория Михайловича.

Выход этих книг стал ошеломляющим открытием. Масштаб ушедшего художника стал виден не только в прожекторах мировой славы. Открылась потаенная сторона творчества вечного труженика. Оказалось, вся его жизнь была постоянным отстаиванием достоинства, борьбой против попыток взнуздать и укротить личность режиссера.

«Я погибал. Меня спас Шекспир...» Едва ли не первым в кинематографе он почувствовал тупик, в котором оказалась наша культура. Проблематика «Гамлета» и «Короля Лира», поставленных Козинцевым, лучше всего объяснят нам пережитые режиссером муки и упования.

Юрий КЛЕПИКОВ,
сценарист

Козинцев Григорий Михайлович